



АЛЕКСАНДР  
ТАМОННИКОВ

Врагу отсюда  
одна дорога —  
на дно  
моря

РАЗВЕДКА

41 ГО

КРЫМСКОЕ ЗАРЕВО



Фронтальная разведка 41-го. Боевая проза Тамоникова

Александр Тамоников

**Крымское зарево**

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

**Тамоников А. А.**

Крымское зарево / А. А. Тамоников — «Эксмо»,  
2024 — (Фронтовая разведка 41-го. Боевая проза Тамоникова)

ISBN 978-5-04-204907-1

Боевые романы о ежедневном подвиге советских фронтовых разведчиков. Поединок силы и духа, когда до переднего края врага всего несколько шагов. Подробности жестоких боев, о которых не рассказывают даже ветераны-участники тех событий. Битва за крымский плацдарм в самом разгаре. На одном из участков фронта разведчики капитана Глеба Шубина захватывают группу предателей, завербованных немцами для диверсий в нашем тылу. Один из них, радист Кузьма Щедрин, испугавшись заслуженной кары, соглашается сотрудничать с контрразведкой. По задумке Шубина, Щедрин должен будет передать сообщение о том, что советская авиация готовит удар по месту, где расположен штаб абвера. Шубин уверен, что для отхода высокие немецкие чины воспользуются бронепоездом, который наши разведчики будут поджидать на заминированном участке железной дороги. Командование дает «добро», и капитан со своей группой уходит на задание, не предполагая, какие неожиданные сюрпризы ожидают его впереди... Общий тираж книг автора – более 10 миллионов экземпляров.

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-204907-1

© Тамоников А. А., 2024

© Эксмо, 2024

# Содержание

Пролог	7
Глава 1	9
Конец ознакомительного фрагмента.	17

# Александр Тамоников Крымское зарево



## РАЗВЕДКА

# 41-го

Фронтная разведка 41-го. Боевая проза Тамоникова



© Тамоников А.А., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

## Пролог

«От советского Информбюро, сводка на 1 декабря 1943 года. – Капитан фронтовой разведки Глеб Шубин вместе с десятками остальных бойцов, затаив дыхание, вслушивался в каждое слово диктора. – Северо-западнее Гомеля наши войска продолжили наступление. Части гомельского соединения, отражая контратаки немцев, продвинулись вперед и заняли несколько опорных пунктов обороны противника. Особенно упорные бои происходили за населенный пункт Яблоневка. Немцы сосредоточили на его подступах много артиллерии, пулеметов и оказывали яростное сопротивление. Советские части фланговыми ударами дезорганизовали оборону немцев и после рукопашной схватки овладели оккупированным пунктом. На поле боя остались сотни вражеских трупов и много вооружения противника. Части другого соединения за день уничтожили свыше 400 вражеских солдат и офицеров».

Пожилой усатый сержант от переполняющих его чувств ткнул локтем в бок своего соседа, бледного высокого молодого мужчину с темными волосами, в ватной куртке, накинутой на китель с погонами капитана:

– Слышал, слышал? Яблоневку нашу освободили! Я оттуда – с Гомельщины, с Яблоневки. У нас яблоки – вот такие, по всей деревне растут, от того и Яблоневка. – Большие, с черными отметинами от оружейной смазки и пороха, пальцы соединились в кольцо, чтобы показать размер плодов, которые росли на родине обрадованного сводкой сержанта.

На него со всех сторон зашикали, чтобы не мешал слушать радиотрансляцию. Радиоточка – черный, хриплый рупор – была примотана толстым шнуром прямо к уличному фонарному столбу и вещала громко, так что звуки разносились по всей улице. Но все равно и жители Дмитровки, и военные, что развернули штаб в освобожденном населенном пункте, раненые, которых лечили в военно-полевом госпитале, замирали, не издавая ни звука во время ежедневных трансляций. Они вслушивались в каждое слово, сжимали руки в кулаки при сообщениях об упорном сопротивлении гитлеровцев. А когда диктор сухо рассказывал о победах Красной армии, люди радостно переглядывались, в глазах светился огонек надежды: наконец, наконец советские воины стали побеждать, теперь они каждый день освобождают километры родных земель от проклятых фашистов, от Гитлера, который уже был уверен в своей победе на территории СССР! Люди мерзли на зимнем ветру до костей в своей прохудившейся одежде, местные ребятишки жались, будто растрепанные воробышки, в своих рваных обмотках под скудным декабрьским солнцем, их животы сводило от привычного ощущения голода. Но каждый день ручейки из солдат, офицеров, женщин, стариков, детей стекались к деревенскому пятачку у большой избы, где раньше располагалось правление местного колхоза. И с надеждой, с радостным чаянием люди ждали, замирали и поднимали бледные лица в сторону черного раструба на столбе, ловили каждое слово диктора.

Вместе со всеми капитан Шубин каждый день ходил к штабу, чтобы узнать новости с фронта. Хотя линия двух территорий – оккупированной и уже освобожденной – была буквально в пятидесяти километрах от Дмитровки, и все же здесь фронтовой разведчик не чувствовал привычного присутствия войны. В небе не ухали артиллерийские снаряды, оно радовало глаз чистой голубизной или яркой россыпью звезд, а не было спрятано за траурной вуалью пороховой гари; в воздухе разносились мирные ароматы свежеприготовленного обеда с полевой кухни и натопленных печей в домах; днем в деревне слышался гул голосов военных, крики детей, которые крутились рядом с бронированной техникой, скрип колодезных уключин, стук топоров, а не стрекот пулеметных очередей или отчаянные приказы: «В атаку! Вперед! Огонь!»

Глебу нравилась мирная жизнь. Он с удовольствием каждый день, не дожидаясь своей очереди дежурить во временной казарме, колот обгоревшие бревна на дрова, а потом приносил

из колодца ледяную воду и умывался прямо из ведра, пока не начинало ломить зубы и затылок от холода.

Днем приятные хлопоты отвлекали разведчика, а вот ночью было тяжело. Капитан лежал на деревянных досках с самодельной подстилкой из гниловатой соломы и часами прислушивался к храпу и сопению спящих соседей.

Официально после прибытия с территории военных действий, или проще – передовой, фронтовик находился все еще на лечении в большом военно-полевом госпитале, который развернули в уцелевших домах Дмитровки. Во время оккупации здесь располагался немецкий штаб сивашского плацдарма, поэтому в деревне осталось много домов без повреждений от бомбардировок. Они сохранились с крышами, целыми окнами и даже домашним скарбом внутри, но пустовали: все работоспособное население деревни угнали в Германию во время оккупации, остальные жители укрылись в лесах, объединившись в партизанские отряды. В самой Дмитровке остались беспомощные старики, горстка женщин и несколько десятков ребятишек разных возрастов.

Вместе с другими легкоранеными бойцами капитана фронтовой разведки Глеба Шубина разместили в одной из пустующих изб. Днем они ходили на уколы, на осмотр к госпитальным хирургам, потом на перевязки к медсестрам в застиранной белой форме, дальше помогали местным восстанавливать хозяйство в деревне или уезжали на стройку переправы через залив, что шла полным ходом из частей разобранной железнодорожной ветки.

Как и все выздоравливающие, прибывшие с передовой в тыловую часть для лечения, капитан Глеб Шубин из всех сил старался быть полезным. Он не давал себе ни минутки отдыха, стараясь устать так, чтобы вечером мгновенно уснуть без снов и тяжелых мыслей. Но ночью чуткий, тонкий, как паутинка, сон разведчика мгновенно прерывался от тихого скрипа или вздоха товарищей. Только просыпался мужчина не в темной избе: раз за разом он оказывался то на поле среди мертвецов, то в лесу в окружении трупов разведчиков из своей группы. И за эти несколько секунд между сном и реальностью капитана Шубина скручивало от невыносимой ярости, горького отчаяния из-за своей беспомощности. Его товарищи были мертвы, а он находился на территории врага рядом со смертью.

В этот момент Глеб просыпался, мокрый и дрожащий от душевной боли, из горла, казалось, рвался крик, сердце заходило тревожным перебоем. Капитан осторожно выскальзывал по скрипучим половицам казармы за дверь, на свежий воздух. Там он шептал беззвучно одними губами, произнося в ледяное черное небо клятву:

«Я отомщу, отомщу за вас. За каждого! Я вернусь на фронт, на передовую, и буду мстить за вас. Я не прощу, не забуду никогда. За каждого убитого ответят фашисты! Каждого помню, земля вам пухом, ребята».



## Глава 1

Утро капитана разведки Глеба Шубина начиналось уже несколько недель одинаково. Он заходил в каморку, где по утрам осматривала выздоравливающих бойцов сухонькая Лидия Захаровна, врач-хирург военного госпиталя. Он здоровался и сразу принимался исполнять привычный ритуал: закрывал глаза, прикасался мелко подрагивающими пальцами к кончику носа; открывал глаза и вытягивал вперед руки, пока серые глаза внимательно наблюдали за небольшой дрожью и замедленными движениями ладоней и видели то, что он так упрямо пытался скрыть.

Лидия Захаровна опять качала головой, вскидывала тонкую руку при виде выражения на лице разведчика:

– Никаких споров, товарищ капитан. Тратите мое и чужое время, за дверью очередь из пациентов. Мы в армии, и тут мой диагноз – приказ. Продолжаем лечение, выполняйте.

Глеб делал несколько шагов к двери, все же на ходу он пытался доказать свою правоту:

– Я работаю над моторикой, как вы и сказали. Каждый день упражнения, питание, сон, воздух. Здоров уже как бык, товарищ хирург, когда меня выпишете, когда на фронт можно будет?

В ответ Лидия Захаровна хмурила почти бесцветные брови:

– Голова – это не нога, а контузия после удара взрывной волной – не перелом и не пулевое ранение. Дайте сосудам в вашей голове время на восстановление. Интенционный тремор – признак поражения мозга. – Сухой палец касался седого виска. – Голова – штука сложная, руки и ноги лечить мы умеем пока лучше, чем голову. Занимайтесь, отдыхайте, восстанавливайтесь. Как только будете здоровы, разрешу вернуться на передовую. Все, капитан Шубин, выполняйте приказ и пригласите на осмотр следующего.

Раздосадованный очередным отказом, Глеб после встречи с врачом шел быстрыми шагами по коротким деревенским улочкам к большому сараю, где оборудовали общую кухню для гарнизона и госпиталя.

Широкое светлое помещение с оконцами под самой крышей было заполнено мешками и ящиками, посередине на двух больших столах орудовал повар – старик Федотыч. Колченогий и слепой на один глаз, он удивительно ловко управлялся с кухонной утварью, покрикивал на своих помощников, прикомандированных из легкораненых, юрко перемещался с большим черпаком в руках то на улицу к огромным котлам, то обратно в сарай к столам, где стучали ножи, раздавался запах овощей, хлеба, круп. Здесь, под присмотром Федотыча, Глеб Шубин разрабатывал свои непослушные руки, восстанавливал связь между мозгом и телом, как выражалась Лидия Захаровна, помогая на кухне старому повару с готовкой пищи для госпитальных больных и военных гарнизона.

Сегодня, как и обычно с утра, Федотыч шумно подгонял своих помощников, торопясь накормить сотни человек завтраком. Впереди еще обед и ужин, а потом уборка, мойка котлов. Старик торжественно опустил небольшой кусок сливочного масла в котел с кашей, размешал его и прогудел двум парнишкам с перевязанными головами:

– Тряпицей прикройте сверху от грязи, вот так! – Помощники ухватились с двух сторон за металлическую дужку и понесли завтрак в сторону госпиталя. Старик не отводил от них зоркого единственного глаза, поучая на прощанье: – Ну все, тащите до госпиталя. Да не торопитесь! Да в ногу, в ногу шагайте, растудить вас! В ногу, а то расплещете все! Половина провианта потом на тряпке останется! Ведро сразу на колодце ополосните, чтоб не присохло! Ох, безрукие, ох, помощнички.

Старик ворчал себе под нос по привычке, а сам уже шагал к большому настилу с навесом у сарая, где стояли два больших ведра, полные свежей рыбы. Он поманил узловатым, дубовым

от порезов и мозолей, пальцем разведчика, запустил руку на глубину и вытащил за хвост узкую серебристую рыбешку:

– Вот чего нарыбачили ребятишки местные за ночь! Вчера им буханку чернухи выдал, а они утром, смотри-ка, что принесли. Сегодня на ужин ушица будет наваристая! Бери нож, капитан, да за дело. Чистил рыбу?

– Такую мелкую ни разу, – признался Глеб, глядя на крошечных, с ладошку, рыбешек, что плескали хвостами в ведре.

Федотыч ловко вытянул первую попавшуюся рыбу за хвост и с размаху стукнул ее об стол, кончик ножа за несколько секунд срезал плавники и хвост, отделил голову. Отточенным движением повар вспорол брюхо, вытянул кишки и отшвырнул их в пустой котелок:

– Вот так, кишки сюда скидывай. Ребятишки ночью на раков с ними пойдут. – Во все стороны брызнула серебряная чешуя. – Счищаешь вот так, а потом поддел ножом, и все. Хребтину в это ведро, мясо – в котел. Запомнил?

Шубин неуверенно кивнул: уж больно ловко управился Федотыч со скользким тельцем, – куда ему с дрожащими пальцами вот так же шустро орудовать ножом. Правда, повару не было дела до сомнений разведчика, он уже ополоснул ладонь в ведре с рыбами и заторопился в сарай. Глеб же остался один на один с двумя ведрами мелкой рыбехи. Неловкие пальцы ухватили нож, второй рукой он долго пытался поймать верткую серебрянку в ведре, чертыхнулся, замочив рукав почти до плеча, но все же выудил себе добычу. Это было лишь началом его мучительных попыток повторить ловкие и отточенные движения Федотыча. Пальцы не слушались, направляли острие мимо, отчего то и дело на ладонях оставались царапины.

Через час кожу саднило от воды, крови рыб и бесчисленных порезов. Федотыч с огромной кастрюлей в руках, полной крупно нарезанной свеклы, проходя мимо к кострам, сухо бросил:

– Так дело не пойдет, до весны возиться тут будешь. Давай лучше, как обычно, за картошку садись.

– Нет! – Глеб сам не ожидал, что ответ получится таким резким. Он выкрикнул его, выплеснув внутренний протест и недовольство своей болезнью. Схватил нож и с силой отсек голову очередной жертве. – Я сделаю! Я смогу!

Федотыч только цыкнул что-то себе под нос и снова ушел в сарай, понимая, что этого упрямого капитана лучше оставить в покое. Тот явился на кухню сам, хотя офицерский состав даже из числа раненых не привлекался к кухонным работам, и попросился в помощники. Объяснил, что нужна работа, связанная с движениями рук, для восстановления после контузии, на что Федотыч только хмыкнул. Дел на кухне всегда хватает, и лишние руки пригодятся, пускай даже и такие, как у этого разведчика – дрожащие, с неловко двигающимися пальцами. Правда, несмотря на эти неуверенные движения, капитан Шубин на кухне пригодился. Пускай брал часто характером, неотступным монотонным усилием – резал вялую капусту, скоблил ножом мерзлые мелкие картофелины в ледяной воде до самой темноты, пока не выполнял норму, заданную ему поваром. Упорство сработало! Буквально за неделю его ладони и пальцы начали работать лучше, а на второй он уже наравне с остальными дежурными начищал ведра овощей.

А вот сегодня снова было тяжело, как в первые дни: руки и спину ломило от напряжения; под ватной курткой уже тек пот по спине после нескольких часов работы; пальцы, казалось, жгло от мелких движений.

Удар! Глеб Шубин представил лицо немецкого офицера, который расстрелял двух ребят из его разведгруппы! Вжух – нож вспорол брюхо, кончик вытянул кишки и отбросил их в ведро. Так дело пошло быстрее, разведчик снова и снова представлял при каждом ударе или надрезе лица фашистов, что приходили к нему во снах, отпечатались в голове. Они были убийцами, мучителями, которые заслуживали мести, смертельного удара ножом. Именно об этом Глеб Шубин думал долгими ночами без сна. Молодой мужчина рвался на фронт, чтобы участвовать в разведывательных операциях на территории врага, в вылазках на передовой, где можно ото-

мстить за своих погибших фронтовых товарищей. Наказать гитлеровских прихвостней, прогнать их с родной земли! Бить со всей силы! Резать без пощады! Вот так, и вот так, и еще сильнее и быстрее!

Федотыч, с самокруткой между губ, помешивал почти готовые щи в котле огромной деревянной веселкой и с радостным удивлением наблюдал за капитаном. За тем, как тот ловко колотит ножом по хвостам и головам, проводит лезвием, пускает фонтаны из чешуи, все быстрее и сноровистее действуя руками. Обычно молчаливый и сдержанный, сейчас разведчик будто забыл обо всем на свете, глаза светились злостью, а лицо жило и двигалось, отражая ту ярость, что скопилась внутри. Вдруг кто-то окликнул повара:

– Здравия желаю, старший лейтенант Бахтин. Где тут у вас капитана Шубина можно найти? Мне в казарме сказали, что его на кухне можно увидеть.

Федотыч ткнул черпаком в яростно размахивающую над рыбой ножом фигуру. У лейтенанта Бахтина от удивления даже лицо вытянулось: неужели вот этот кухонный работник в чешуе и крови и есть тот самый Шубин, о котором ходят легенды во фронтовой разведке? Совсем не похож этот кухонный рабочий на человека, который провел столько секретных операций и диверсий!

Все же дисциплина в армии – это главное, поэтому четким шагом старший лейтенант Бахтин приблизился к столу и отчеканил:

– Здравия желаю, товарищ капитан!

Шубин поднял на него недоуменный взгляд: откуда взялся этот лейтенантик и почему он знает его имя?

Бахтин не удержался и опустил взгляд на стол, измазанный останками рыб, на лице от увиденного выступила бледность. Он сглотнул и уже потише отрапортовал:

– Старший лейтенант Бахтин, третье информационное отделение разведотдела четвертой крымской дивизии. Прибыл к вам с приказом из разведотделения штаба.

Глеб Шубин оглянулся на емкости у стола – еще одно ведро рыбы осталось на разделку. К сожалению, со штабным офицером не поспоришь, тем более неизвестно, для чего он сюда прибыл. Капитан только кивнул в ответ и указал на бочку с водой:

– На руки полейте из ковша. Приведу себя в порядок, и тогда пойдем в штаб.

Старший лейтенант торопливо схватился за ручку, щедро облил окровавленные ладони разведчику:

– Конечно, товарищ капитан. Там вас ждут... в общем, потом я вам официально доложу. Как закончите... ну, вот здесь... – Он оглянулся на стол и сарай, на костры с кипящими котлами.

Шубин и бровью не повел, видя его смущение, он долго с усердием отмывал руки, потом лицо, провел по волосам влажной пятерней, укладывая разлетевшиеся пряди. Лишь когда застегнулся на все пуговицы и осмотрел форму, не осталось ли где пятно или чешуя, кивнул неожиданному посланцу – готов, идем. Перед тем как уйти, заглянул в сарай, где кипела работа. Извиняющимся тоном объяснил Федотычу:

– В штаб срочно вызывают. Не получается с рыбой до конца разделаться.

Старик усмехнулся:

– Вечером рачки будут, уже у меня работа налажена. Приходите, товарищ разведчик, найдем работу для ваших рук.

– Я приду, приду! – обрадовался Глеб.

Раков он ловил еще мальчишкой, поэтому знал, сколько придется покорпеть над их твердыми панцирями. Упражнения эти стали ему в радость: от них горели огнем пальцы, болели, зудели и все же через страдания наливались силой и избавлялись от предательской дрожи и неуверенных движений.

За спиной топтался Бахтин:

– Товарищ капитан, поторопимся, нас ждут в штабе.

– Идем.

Шубин быстро зашагал по дорожке с отпечатками тысяч следов. По ней носили несколько раз в день в огромных ведрах горячую еду в импровизированную гарнизонную столовую, таскали баки со специальным усиленным питанием для раненых в госпиталь. Теперь капитан шел по тропинке между деревенских домов навстречу каким-то изменениям в своей жизни. А приятным или нет, сейчас расскажут в штабе.

При появлении Бахтина вместе с высоким худощавым капитаном несколько бойцов, что дымили самокрутками на пятачке у избы бывшего правления колхоза, вытянулись по стойке смирно, руки взлетели к головным уборам. Вместо приказа Бахтин махнул им рукой:

– Вольно, ожидайте!

Шубин с удивлением бросил на молодых людей взгляд – что за пополнение и какое оно имеет к нему отношение. Расспросить подробнее старшего лейтенанта уже не успел, тот стоял на крыльце, нетерпеливо кивал, приглашая вовнутрь:

– Идемте, капитан. Потом познакомьтесь со всеми подробнее.

Глеб шагнул в полутьму коридора, чувствуя, как у него возникает множество вопросов: что это за бойцы, с которыми он должен будет позже познакомиться поближе? И почему они взяли под козырек при виде Бахтина?

Он не слышал уже, как после того, как фигуры офицеров скрылись за дверью штаба, ребята начали тихонько обсуждать его:

– Видели? Сам молодой, чернявый, а в волосах седина!

– Говорят, он десятки раз нейтралку переходил, посеешь тут!

– А бледный, ни кровинки в лице. Харчи-то у разведки хорошие, чего такой худой?

– Ты только о еде все думаешь, Евсюков. Бледный после ранения, он же в госпитале здесь на восстановлении находится. Нам Бахтин в машине еще рассказывал, ты опять все проспал. Эх, соня! Как тебя только в разведку взяли!

– Язык знаю хорошо! Это раз! А два, что отдых хороший уважаю, потому что работаю хорошо. Боевую задачу выполнил, можно и на боковую. Потом вот пошлют на передовую, там не до сна.

Этих обсуждений и споров капитан Шубин не слышал. Он стоял, вытянувшись перед командиром гарнизона, который зачитывал вслух ему приказ командира разведывательного отделения четвертой дивизии:

– Поручить капитану Шубину обучение красноармейцев основам разведывательно-диверсионной деятельности в подразделении фронтовой разведки. Развернуть занятия разведшколы на базе гарнизона в деревне Дмитровка. Десятого января прибыть сформированному отделению под командованием капитана Шубина в восьмую военную часть для прохождения службы в условиях проведения военных действий на передней линии обороны. – После чтения приказа командир гарнизона вдруг растерянно протянул: – Это что ж получается, жить им месяц тут. Пристроить надо ваших бойцов, товарищ Шубин, на постой. А у меня все койкоместа наперечет, сейчас еще инженеры прибыли для строительства. Может, вы, товарищ капитан, сами пройдете по деревне, так сказать, организуете постой для своих... учеников... Вы ведь тут уже не первый день. – Командир гарнизона провел ребром ладони по горлу. – У меня хлопот сейчас – во! Дорогу строим, в госпиталь раненых везут, а санэшелон не отправить на материк, пока дорога не будет готова. Ну нет материальной базы для размещения!

Из тени в углу вдруг вышла плотная, широкая фигура – майор с красными ромбами на петлицах:

– Здравия желаю, майор Тарасов, особый отдел. Прибыл по спецприказу, буду курировать обучение будущих разведчиков по линии «Д», диверсия. Товарищ Шубин, мы сейчас с вами пройдемся по населенному пункту и найдем место для молодых бойцов. Их личные дела у вас?

Находившийся рядом Бахтин выудил из своего вещмешка кипу документов, обернутых в чистую портянку.

– У меня, они у меня. Не успел еще передать их командиру. По счету передать людей...

Тарасов оборвал парня:

– Я уже всех пересчитал, все десять человек на месте. Благодарю за выполненное задание, товарищ старший лейтенант, можете быть свободны. – Он перехватил кипу бумаг из рук сопровождающего.

Старший лейтенант с облегчением выдохнул и затопал в сторону выхода, командир гарнизона бросил напряженный взгляд на особиста:

– Предъявите бумагу на спецприказ.

Тарасов молча вытянул офицерский планшет, также без единого слова протянул желтоватый лист штабисту. Тот пробежался глазами по строчкам, задержал взгляд на печати НКВД и снова торопливо пояснил:

– Свободного жилья совершенно нет, все ранеными занято. Тюфяками обеспечим, питанием, а вот место для занятий и ночлег... – Во второй раз гарнизонный командир беспомощно развел руками.

Энкавэдэшник сунул документы на будущих разведчиков под мышку, подтолкнул ошарашенного новостью Глеба к выходу:

– Ну, что же вы, капитан Шубин, давайте знакомиться с вашими подопечными.

Растерянный разведчик оглянулся на гарнизонного командира, потом на листок приказа перед ним на столе. Такого поворота событий он не ожидал: что угодно – отправка на передовую, перевод в другой род войск из фронтовой разведки, даже комиссование по состоянию здоровья, но не такое – организация школы разведчиков. Он ведь не учитель и не нянька, чтобы возиться с ребятишками. Да и как научишь разведывательному делу, это ведь не строевой шаг или стрельба из артиллерийского оружия. Он и сам не знает, что важнее в этой невидимой службе. Осторожность? Ловкость? Знание немецкого? Отвага? Навык драться с любым видом оружия в руках? Ориентирование в лесу и умение читать карты?

Только Тарасов не дал разведчику подумать, на улице подвел его к замершему строю из бойцов и негромко представил капитана:

– Товарищи, ваш новый командир – капитан фронтовой разведки Шубин. Многократно был отмечен наградами за успешные разведоперации на территории врага, служит во фронтовой разведке с самого начала войны, герой и образец для подражания! Я – майор Тарасов... – на секунду майор запнулся, – отвечаю за секретность и безопасность ваших курсов. Проверим список прибывших.

Он вытащил из стопки личных карточек лист с фамилиями и принялся их перечислять. Услышав свое имя, бойцы откликнулись по-военному коротким «я».

После переключки майор откашлялся, бросил взгляд на все еще молчащего Шубина и вполголоса пояснил будущим разведчикам:

– Товарищи, предупреждаю, что каждый из вас должен хранить молчание о том, где и чему учится. Официальная версия – капитан Шубин проводит курс молодого бойца. Гитлер и его приспешники-генералы сейчас предпринимают отчаянные попытки остановить нашу армию, узнать планы ставки Верховного главнокомандующего товарища Сталина. Поэтому территория кишит шпионами, перебежчиками, личностями, которые предали свою Родину и стали двойными агентами. Они работают на Гитлера, на фашистов, прикидываются офицерами и солдатами Красной армии. Вы, наш молодой резерв, должны быть очень осторожны и осмотрительны. Никакой пустой болтовни ни с местными, ни с пациентами госпиталя! Только учеба! О любой подозрительной личности немедленно сообщайте мне! Обнаружение шпиона в рядах Красной армии – это подвиг, за который награждают орденом и званием вне очереди! Я верю в вашу сознательность и преданность партии!

Особиста Глеб слушал вполуха, всегда служба государственной безопасности была по роду его деятельности рядом. И всегда эти офицеры с петлицами особого отдела говорили одно и то же: о шпионах, о преданности Родине, потому что велик соблазн для того, кто попал в плен к немцам, сохранить свою жизнь, начав служить на две стороны.

Сам разведчик не сводил взгляда с парней, которые, замерев, слушали речь майора НКВД. Они оказались не такими мальчишками, что представились ему вначале. Война, невзгоды, смерть оставили на молодых лицах свои следы – шрамы от ранений, бледность, глубокие складки от пережитого горя, седые волосы в густых шевелюрах, сжатые губы и суровые взгляды. Едва ли всем им было по двадцать лет, однако по лицам, по их сдержанности и отсутствию детской беспечности капитан понял, что у каждого есть боевой опыт за плечами. Пока Шубин невольно всматривался в молодые лица, его собеседник, майор Тарасов, уже всю команду командовал группой:

– Стройся, бойцы, рассчитайсь!

Парни быстро выполнили приказ. Только один из них выбивался из общего строя: то несколько секунд в задумчивости не называл свой номер, то нарушал строй задранной вверх на парящего ястреба головой. Тарасов отреагировал немедленно, рывкнул во все горло:

– Рядовой, фамилия?

– Зинчук. – Ответ был едва слышен. – А когда обед, товарищ майор? От запаха брюхо сводит, мы с перегона без куска хлеба.

Особист ничем не выдал своего гнева, правда, на скулах выступили розовые пятна. Он уставился на парня колючим взглядом:

– Научись по форме отвечать, ефрейтор Зинчук, а потом уже будешь о жратве думать.

Мальчишка не отвел от майора светло-голубые глаза, только вздернул острые плечи в новом ватнике:

– Не учили нас в партизанском отряде формам этим, не до того было. Зря вы так, жратва – это же самое важное. Без нее только ноги протянуть да помереть.

Остальные бойцы начали коситься на говоруна, понимая, что тот зря так дерзко отвечает старшему по званию. Сам же молодой ефрейтор, казалось, не понял, что такого необычного он сделал. Своим странным взглядом тщедушный парнишка без отрыва смотрел на майора. То ли ждал ответа, то ли скрывал усмешку. На его бледном, будто из одних углов состоявшем лице – скулы, кончик носа, уголки губ – невозможно было ничего прочесть. Майор Тарасов выдохнул протяжно, потом процедил сквозь зубы:

– Слушайте мой приказ: сейчас направляетесь к полевой кухне, на довольствие вас поставили. Получаете обед, затем направляетесь на окраину деревни, в лесной массив. Находите место для расположения, организуете лесной лагерь. Наблюдательный пункт, землянки, все как положено. Старшим отряда на время отсутствия капитана Шубина назначаю младшего сержанта Стукаленко. – Широкоплечий парень с гладко приглаженными смоляными кудрями под щегольской фуражкой кивнул. – Выполнять приказ!

– Есть, – отозвался дружный хор голосов, застучали сапоги.

Первым пошел бравый Стукаленко, ведя за собой отряд на ароматы почти готового обеда, замыкал строй ефрейтор Зинчук, который не печатал шаг, не пытался идти с остальными в такт. Он брел неспешно, по дороге рассматривая дома и окрестности. Особист проводил его долгим взглядом, уже не скрывая неодобрения. Как только спины в одинаковых ватниках скрылись за избами, указал выбритым до синевы подбородком в сторону ушедшего отряда:

– Зинчука на карандаш, наглый больно. Смотри за ним, капитан, принесет он одни беды. Я таких нутром чую, если бы не его партизанские заслуги, то прямо сейчас бы отправил в окопы на передовую. Мои заградотряды этих болтунов сразу в расход пускали без суда и следствия по законам военного времени. По взгляду их чую, с наглечой, смотрит будто мимо. Или дезертир,



или в шпионы подастся к немцам поближе за жирные харчи. – Офицер от злости даже сплюнул себе под ноги.

Сейчас Глеба волновала совсем не судьба странного Зинчука. Он откашлялся и наконец произнес то, что так волновало его с самого штаба:

– Товарищ майор, мне кажется, ошибка какая-то вышла. Я ведь фронтовой разведчик, а не учитель. Как же я из этих мальчишек...

Вот только договорить ему майор не дал. Наконец, затаенное раздражение прорвалось наружу. Он не выкрикнул, а, казалось, выплюнул в ответ слова:

– Это не мальчишки, не дети! Я их лично отбирал для подготовки в разведку. Каждое личное дело просматривал, они герои боевых действий. Вы что, не слышали, капитан? Ефрейтор, младший сержант, у каждого звание! У каждого награды, заслуги перед Родиной! Думаете, за что, как вы говорите, сопливым мальчишкам звания вне очереди присвоили?! Это будущие разведчики, хотите вы этого или нет! Ваша задача как боевого офицера – передать им свои знания. Большого ума не надо, чтобы рассказать, как ходить за «языком». Объясните, что нужно, научите, чему умеете. Или вы что, приказ отказываетесь выполнять? Особый приказ, распоряжение Ставки?! Вы понимаете, что вам за это будет? Это саботаж и прямая дорога в рядовые, в штрафную роту! К энкам, к предателям родины, к отбросам общества!

Майор, хоть и был небольшого роста, но, казалось, навис своим кряжистым телом над замолкшим капитаном. Он говорил негромко, при этом с яростью:

– Я без суда и следствия могу вас по законам военного времени расстрелять сейчас за такие слова! У вас в личном деле совсем другая характеристика – герой фронта, разведчик, подвиги, а на деле... Диверсант?! Предатель?!

Майор Тарасов замолчал в ожидании ответа, только офицера Шубина не так просто было запугать. И в плену побывал, и на допросе, а к вечному подозрению со стороны особистов привык. Всегда он у них на карандаше: вдруг во время действий в тылу врага захотел получить двойной куш и от своих и от фашистов. Поэтому такой удар Глеб держать умел. Он упрямо наклонил голову и снова повторил:

– Я не учитель, не педагог, а разведчик. Как такому обучить? Я умею совершать вылазки, «языка» брать, диверсии организовывать. А учить этому – совсем другое дело, – честно признался он. – Не знаю, как научить этому. Тут думать надо головой, ситуаций одинаковых не бывает. Каждый раз каждая вылазка на оккупированную территорию – это риск, продуманный, спланированный риск.

Когда капитан закончил говорить, рука особиста легла на кобуру с табельным оружием, но потом все-таки метнулась к кителю и вытащила из-за пазухи четвертушку желтоватого листа и карандаш. Тарасов прошипел придушенным от злости голосом:

– Бери бумагу, капитан, и пиши!

Капитан помедлил пару секунд, но все же взял карандаш и лист, пристроился писать прямо на стволе тонкой березы, а майор принялся диктовать:

– Я, капитан Шубин, даю подписку о неразглашении доверенной мне государственной тайны. Осведомлен об ответственности за разглашение, утрату доверенных мне секретных сведений. Дата и подпись. – Особист вытащил трофейный портсигар, набитый папиросами-самкрутками, и такую же хромированную зажигалку, конфискованную у немецкого офицера.

Чиркнул огонек, поплыл едкий дым табака.

– Дописал?

Тарасов ловко выхватил листок бумаги из рук разведчика. Потом демонстративно медленно достал из-за пазухи кителя кипу с документами, положил подписку о неразглашении к таким же желтым четвертушкам с подписями остальных курсантов школы разведчиков. Убрав документы, офицер НКВД выпустил из носа густой дым и уже медленно принялся снова убеждать:

– Ты должен советской власти благодарен быть, капитан. Позаботились о раненом, в тылу нашли дело для тебя, подальше от линии фронта. – Он помолчал, выдохнул клуб дыма. Посмотрел колючим взглядом. – На прифронтовой территории за твоей головой уже абвер охотится. Насолил им сильно, наступил на хвост. Во время прошлой операции вы разгромили из засады отделение подразделения «Бранденбург 800». Это новое спецформирование абвера, штурмовики и диверсанты на службе у разведки вермахта. Лучшие головы германской армии, а ты их с кучкой пленных уничтожил. Поэтому теперь на тебя открыта охота среди немецких лазутчиков. Любому диверсанту, разведчику, шпиону, который ликвидирует капитана разведки Шубина, лично адмирал Канарис обещал выдать награду – пятьсот рейхсмарок. Охота идет за твоей головой, Шубин, вот и прячем тебя подальше от фронта и немцев. Чтобы мог спокойно лечиться, восстанавливаться. Поручили специальное задание – воспитание будущих разведчиков. И не просто так. – Крепкий палец ткнул в воздух, словно точку поставил. – А потому что ты – первая кандидатура в новый отдел, СМЕРШ, формируется лично по приказу главнокомандующего Красной армией товарища Сталина. СМЕРШ – значит смерть шпионам, контрразведка, которая будет работать на государственную безопасность. Наши офицеры будут выявлять диверсантов, перебежчиков в рядах Красной армии. Сейчас Гитлер чует свое поражение, поэтому активно засылает к нам лазутчиков, вербует пленных из числа советских граждан, а потом этих предателей отправляют на нашу территорию, чтобы собрали сведения о планах Красной армии.

Майор Тарасов снова нахмурился, на лице проступили жесткие складки:

– Ни техника, ни боеприпасы не помогут Гитлеру удержать позиции. Мы наступаем, Красную армию не удержать, оттого генералы вермахта отчаянно пытаются заполучить секретные сведения о нашей тактике действий. На все готовы ради секретной информации! Сейчас разведка уже не то что в начале войны: через нейтралку перешел, пленного назад привел – и герой. Так-то, капитан! Сейчас нашему государству и армии другие методы и другие разведчики нужны. Такие как ты – опытные, с чутьем, чтобы людей чувствовали и вычисляли предателей. Именно этим и будет заниматься СМЕРШ. Так что, капитан, считай, получил счастливый билет. Подготовишь себе замену и будешь служить в другом подразделении. В тепле, в сытости, при звании. Хватит уже по окопам на передовой вшей давить, бегать по лесам, не мальчик ведь. Голова у тебя наполовину седая, руки трясутся после контузии, ранен несколько раз. Какой из тебя теперь разведчик – комиссуют подчистую в инвалиды: ни стрелять, да что там стрелять, ложку ты держать не можешь ровно. – Майор сурово глянул в глаза Глебу. – Я-то знаю, дело твое читал. Голова у тебя золотая! Немецкий знаешь, опыта много – готовый контрразведчик. Будешь служить, пользуясь уважением, а не мыкаться по частям ненужным бездельником. Я у твоего врача спросил про твою болезнь. Лечение долгое, хирург ничего не обещает, может, и останешься навсегда с трясучкой этой. Так что ты носом не крути. Разведка на фронте теперь не по тебе, зато ждет хорошая должность.

Выкуренная до последних крошек самокрутка рассыпалась в черные точки прямо в руках, но у Тарасова на лице не дрогнул ни один мускул, хотя искры жгли пальцы. Майор НКВД только хмыкнул, довольный, что капитан Шубин не возражает в ответ.

Глеб же был ошарашен новой информацией, тем, что, оказывается, за его головой идет настоящая охота. И от слов особиста, что из разведки его почти списали, считают почти инвалидом, внутри поднялся яростный протест. Хотя он понимал, что его биографию проверили вдоль и поперек, перед тем как предложить службу в новом подразделении разведки, и все равно от того, что в его болезнях и ранениях копаются, от едких слов Тарасова об инвалидности внутри все перевернулось. Он едва сдержался, чтобы не нагрубить в ответ.

Лишь через несколько минут капитан смог, наконец, говорить. Руки он спрятал в карманы, так сильно они тряслись из-за пережитого волнения:

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.